

Роберт Луис Стивенсон

В ЮЖНЫХ МОРЯХ

ВОСПОМИНАНИЯ И ПОРТРЕТЫ

Избранная автобиографическая проза

ФТМ

УДК 82/821

ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Стивенсон, Р. Л.

В южных морях. Воспоминания и портреты: Сборник / Роберт Луис Стивенсон. Перевод с англ. Д. В. Вознякевича, М. И. Кан, Р. Е. Облонской. Комментарии А. Г. Николаевской. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 646 с.

ISBN 978-5-521-74765-8

Литературное наследие классика приключенческой литературы Роберта Луиса Стивенсона (1850–1894), автора признанных «Острова сокровищ», «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда», «Приключения принца Флоризеля», огромно и включает в себя как документальную биографическую прозу, так и литературные мемуары и статьи по вопросам литературного мастерства. Подлинные приключения по экзотической Полинезии стали увлекательной книгой путешествий «В южных морях» — историческом свидетельстве об удивительной жизни на островах Полинезии конца XIX в.: о природе, о королях и простом народе, о легендах и мифах, таинственных обрядах служения древним полинезийским богам. В книгу также вошел сборник «Воспоминания и портреты» и знаменитые критико-литературные «Этюды о моих добрых знакомых и книгах» — о Викторе Гюго, Роберте Бернсе и Франсуа Вийоне.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Перевод. Д. В. Вознякевич, 2021

© Перевод. Р. Е. Облонская, 2021

© Перевод. М. И. Кан, 2021

© Комментарии.

А. Г. Николаевская, 2021

ISBN 978-5-521-74765-8

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

В ЮЖНЫХ МОРЯХ

ЧАСТЬ I

МАРКИЗСКИЕ ОСТРОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПОДХОД К ОСТРОВУ

Здоровье мое в течение почти десяти лет все ухудшалось; и незадолго до того, как пуститься в путешествие, я думал, что жизнь близится к концу¹ и ждать уже нечего и некого, кроме сиделки и гробовщика. Мне посоветовали отправиться в Южные моря; я был не прочь появиться, как привидение, и поездить там, как поклажа, появиться в тех местах, что манили меня, когда я был молод и здоров. Поэтому зафрахтовал шхуну-яхту доктора Меррита «Каско» водоизмещением семьдесят четыре тонны, отплыл

¹ У Стивенсона рано открылся туберкулез, и он был вынужден искать климат более мягкий, чем климат туманной Шотландии, где он родился и провел юные годы. Он несколько лет жил во Франции — лечился, путешествовал по стране, там же он познакомился с американкой Фанни Осборн, которая стала его женой. Но его скитания всякий раз оканчивались новыми приступами болезни и пребыванием, по его выражению, «в стране кровати». Последние годы жизни он провел на о-вах Полинезии. На материале своих тихоокеанских впечатлений Стивенсон пишет книгу «Вечерние рассказы на острове» и путевые очерки «В Южных морях». Туземцы дали ему прозвище «Тузитала», т. е. «Слагатель историй».

«Просторная часть океана, расплывчато именуемая Южными морями, простирается от тропика до тропика, примерно от 120° западной долготы до 150° восточной», — писал Стивенсон.

Комментарии здесь и далее А. Г. Николаевской.

из Сан-Франциско в конце июня 1888 года, посетил восточные острова¹ и в начале следующего года сошел на берег в Гонолулу. Оттуда, страшась возвращения к прежней жизни больного, я отправился в плавание на торговой шхуне «Экватор» водоизмещением чуть больше семидесяти тонн, провел четыре месяца среди атоллов (низменных коралловых островков) архипелага Гилберта² и под конец 1889 года достиг островов Самоа³. К этому времени я начал привязываться к островам; я обрел достаточно сил, завел друзей, у меня появились новые цели, время в путешествии шло, будто в сказочной стране; и я решил не возвращаться. Страницы эти я начал писать в море, во время третьего плавания на торговом пароходе «Жанет Николь». Если мне отпущено достаточно дней, они пройдут там, где жизнь моя была радостной, а люди — интересными; топоры смуглых работников уже расчищают площадку для моего будущего дома; словом, я должен научиться обращаться к читателям из самых отдаленных частей океана.

То, что я этим решением вроде бы отверг вердикт, вынесенный герою лорда Теннисона⁴, не так уж чудно. Мало кто из при-

¹ Полинезия, одна из основных островных групп в Океании, в центре Тихого океана, протягивается от Гавайских о-вов на севере до Новой Зеландии на юге. Острова вулканического или кораллового происхождения. Вечнозеленые тропические леса и саванны. Основные порты: Гонолулу, Папезте, Апия, Паго-Паго. Французская Полинезия — часть о-вов, принадлежащая Франции с 1885 по 1958 год, включает о-ва Общества (в том числе Таити), Маркизские и другие. Французский художник Поль Гоген (1848—1903), живший там, отразил в своих полотнах быт и легенды народов Океании.

² *Архипелаг Гилберт* — о-ва Гилберта, атоллы в Тихом океане, в Микронезии, также о-ва Гилберта — название британского владения в западной части Тихого океана, которое помимо о-вов Гилберта включает часть о-вов Феникс и Лайн, о. Ошен.

³ *Самоа* — группа из 14 вулканических островов, в политическом отношении делится на Западное Самоа (в конце XIX в. было захвачено Германией, в 1914 году — Новой Зеландией, с 1962 г. — независимое государство) и Восточное Самоа (владение США).

⁴ Имеется в виду герой поэмы «Странствия Мальдуна» (сборник «Баллада и другие стихотворные произведения») английского поэта Альфреда Теннисона (1809—1892).

плавающих на эти острова людей покидает их; они остаются до самой старости там, где сошли на берег; опахала из пальмовых листьев и пассат обвевают их, пока они не умрут, возможно, они лелеют до последней минуты мечту о возвращении в родной край, но редко трогаются с места, а если возвращаются, то это не доставляет им удовольствия. Ни одна часть мира не действует с такой притягательной силой на приезжего, как эта, и задача моя состоит в том, чтобы помочь тем, кто путешествует, сидя с моей книгой у камина, составить какое-то представление о ее очаровании, описать жизнь в море и на берегу сотен тысяч людей, среди которых немало наших соотечественников, все они наши современники, однако по мыслям и склонностям так же далеки от нас, как Роб Рой¹ или Барбрусс², апостолы или цезари.

6

Первым впечатлениям никогда не дано повториться. Первая любовь, первый восход солнца, первый остров Южных морей — воспоминания совершенно особые и окрашенные свежестью чувства. 28 июля 1888 года к четырем часам утра луны уже около часа не было на небосводе. Сияние на востоке говорило о наступающем дне, а под ним на линии горизонта появлялся утренний берег, черный, как тушь. Все мы читали о том, как быстро светает и темнеет в тропических широтах; в этом единоклубны и ученые, и туристы, в этом поэты черпают вдохновение для создания прекрасных стихов. Разумеется, продолжительность дня меняется в зависимости от времени года, но вот

¹ *Роб Рой* — герой одноименного романа Вальтера Скотта (1771—1832), благородный пират. Закончив роман в декабре 1817 года, Скотт написал своему другу и издателю Джеймсу Баллантайну:

Радости не скрою,
Шлю тебе я Роя.
Мы крепко попотели,
Но Роба одолели.

² *Барбрусс* — имя двух братьев-пиратов, живших в Алжире в XVI в.

Маркизские острова

одно четко подмеченное обстоятельство. Хотя рассвет занялся часа в четыре, солнце не показывалось до шести, и только в половине шестого мы смогли отличить свой долгожданный остров от туч на горизонте. Восемью градусами южнее день наступил два часа назад. Этот промежуток времени мы провели на палубе в безмолвном ожидании, обычном волнении при появлении земли, усиленном впечатлением необычных берегов, к которым мы приближались. Они медленно обретали форму в отступающей темноте. Сперва справа по борту появилась гора Уа-хуна с плоской вершиной, почти прямо по траверзу вздымалась цель нашего путешествия Нука-хива, накрытая тучей, а посередине между ними и подальше к югу первые лучи солнца освещали иглы Уа-пу. Они вздымались на линии горизонта; стояли, будто шпили какой-то чрезмерно украшенной исполинской церкви, в сияющей ясности утра достойной вывеской мира чудес.

Ни один человек на борту «Каско» не ступал ногой на эти острова и не знал, разве что по случайности, ни единого слова из островных языков. Мы приближались к этим загадочным берегам с чем-то похожим на беспокойную радость, охватывающую души первооткрывателей. Земля вздымалась вершинами, складками между горами, спускалась утесами и контрфорсами, ее палитра являла собой пятьдесят оттенков в гамме жемчужного, розового и оливкового цветов; венчали землю опаловые тучи. Темные тона разной насыщенности обманывали глаз; тени туч сливались с основанием гор; и остров с его невесомым балдахином высился, мерцая, перед нами сплошной массой. Ожидать маяка, дыма городов, лавирующего лоцмана не приходилось. Где-то в этой светлой фантасмагории утесов и туч лежал сокрытым наш рай, и где-то в восточной его части находился — единственным навигационным знаком — мыс, называемый мысом Адама и Евы, или же Джека и Джейн, известный двумя колоссальными фигурами, грубыми статуями, изваянными природой. Нам предстояло их отыскать; мы тарасились и вытягивали шеи, фокусировали би-

нокли и ожесточенно спорили над картами, прежде чем нашли их, солнце уже поднялось над головой, а земля оказалась рядом. Для судна, подошедшего, подобно «Каско», с севера, они в самом деле оказывались наименее заметными чертами поразительного берега; над его линией высоко взлетал прибой; позади высились странные, суровые, оперенные тучами горы; и Джек с Джейн, или Адам с Евой казались двумя незначительными выступами над бурунами.

Потом мы шли вдоль берега. По левому борту слышался грохот прибоя, под носом судна пролетело несколько птиц-рыболовов, других признаков жизни, человеческой или животной, в этой части острова не было. Несомая инерцией и утихающим ветром «Каско» плавно скользила под утесами, подошла к небольшому заливу, где мы увидели пляж с зелеными деревьями, и поплыла дальше, покачиваясь на волнах. Деревья с такого расстояния можно было счесть орешником, пляж европейским, горы слегка похожими на Альпы, а лес на их склонах не более высоким, чем наш шотландский вереск. Утес разверзся опять, на сей раз более протяженным заливом; и «Каско», сделав поворот, заскользила в бухту Анахо. Кокосовые пальмы, эти жирафы растительного мира, столь большие, столь чуждые глазу европейца, теснились на пляже и карабкались по крутым склонам гор. Узкий залив окаймляли с обеих сторон грубые, голые холмы, упирался он в зазубренный горный массив. В каждой расселине этого барьера ютился лес, усаживался и гнездился, как птицы на развалинах, а гораздо выше окрашивал в зеленый цвет и зазубривал бритвенные лезвия вершин.

Наша шхуна, лишенная теперь всякого ветра, продолжала ползти вдоль восточного берега: казалось, разумное судно не хочет останавливаться. Неподалеку на берегу заблеяли ягнята; на склоне холма запела птица; навстречу нам заструился аромат земли и множества плодов и цветов; и вскоре показалось несколько домиков, стоящих высоко над подножием холмов,

Маркизские острова

один из них окружало что-то похожее на сад. Эти бросающиеся в глаза жилища, этот участок культуры, представляли собой, как мы все понимали, отметку границы продвижения белых людей; можно было подойти к сотне островов и не обнаружить таких же. Некоторое время спустя мы увидели туземную деревню, стоявшую (как обычно) рядом с изогнутым пляжем под пальмовой рощей; море перед ней шумело и пенилось на вогнутой дуге рифа. Кокосовые пальмы и островитяне любят прибой и тянутся к нему. Таитянская пословица гласит: «Коралл увеличивается, пальма растет, а человек умирает», однако здесь находились все трое, соседи до конца своих дней. Знаком якорной стоянки служило отверстие в скалах неподалеку от юго-восточного угла бухты. Когда мы с ним поравнялись, из него вырвался фонтан; шхуна развернулась; якорь погрузился в воду. Звук был ничтожным, событие громадным, душа моя погрузилась вместе с якорем, и оттуда ее было не поднять ни одной лебедкой, не выловить никакому ныряльщику; с этой минуты я и часть судовой команды стали пленниками островов Вивьен.

9

Однако еще до того, как мы отдали якорь, к нам от деревушки уже плыло каноэ. В нем были два человека: один белый, другой смуглый, с татуировкой в виде синих полос на лице, оба в безупречно белой европейской одежде — постоянно живший на острове торговец мистер Реглер и туземный вождь Таипи-Кикино. Первыми словами, какие мы услышали на этих островах, были: «Капитан, можно подняться на борт?» Одно каноэ плыло за другим, и в конце концов шхуна оказалась заполненной крепкими рослыми мужчинами разной степени раздетости; кто в рубашке, кто в набедренной повязке, один в плохо прилаженном шейном платке; некоторые, притом самые видные, были покрыты с ног до головы немыслимыми узорами татуировки; некоторые были вооружены ножами; один, с отвратительной внешностью, сидел на корточках в каноэ, высасывал сок из апельсина и тут же с обезьяньей веселостью выплевывал его то

в одну, то в другую сторону. Все говорили, но мы не могли понять ни слова; все пытались торговать с нами, хотя мы не помышляли о торговле, предлагали нам островные диковинки по совершенно несуразным ценам. Не было ни слов приветствия, ни проявления вежливости; никто, кроме вождя и мистера Реглера, не протянул для пожатия руки. Поскольку мы продолжали отказываться от предлагаемых вещиц, раздались громкие и грубые выражения недовольства; один туземец, шут этой компании, бранил нашу скупость, при этом глумливо смеясь. Одна из его сердитых шуток: «На таком прекрасном судне обязательно должны быть деньги», признаюсь, вызвала у меня бешенство, даже страх. Шхуна явно находилась в их власти; на борту были женщины; о наших гостях я знал только, что они каннибалы; справочник (единственный мой гид) был полон пугающими предостережениями; что же до торговца, присутствие которого, не будь этих предостережений, могло бы успокоить меня, но разве белые на тихоокеанских островах не были обычно подстрекателями и соучастниками нападений туземцев? Прочтя это признание, наш добрый друг мистер Реглер может позволить себе улыбнуться.

Несколько часов спустя, когда я сидел в каюте и писал дневник, ко мне ворвались туземцы; три смуглокожих представителя трех поколений сели, поджав ноги, на пол и молча разглядывали меня недоуменными глазами. У всех полинезийцев они большие, блестящие, мягкие, похожи на глаза животных и некоторых итальянцев. Отчаяние охватывало меня от сознания, что я беспомощен под этими упорными взглядами, зажат в угол каюты этой безмолвной толпой; меня душила ярость при мысли, что речевое общение с этими людьми невозможно, как с животными, или глухими от рождения, или обитателями чуждой нам планеты.

Для мальчишки двенадцати лет переплыть Ла-Манш — значит оказаться в ином мире; для мужчины двадцати четырех